

«Екатерина III»

САФРОНОВА Ю. А. (2017). ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВСКАЯ: РОМАН В ПИСЬМАХ. СПБ.: ИЗД-ВО ЕУСПБ. 404 С.
ISBN 978-5-94380-237-9

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта,
доцент кафедры философии и культурологии социально-гуманитарного факультета
Тихоокеанского государственного университета
Адрес: ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, Российская Федерация 236016
E-mail: mestr81@gmail.com

Книга Юлии Сафроновой, доцента факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, является первой научной биографией княжны Екатерины Михайловны Долгоруковой, многолетней любовницы и с 1880 года жены императора Александра II. Историческая ценность и важность данной работы несомненна — княжна играла большую роль в жизни императора, а в период 1880–1881 годов — и в политической жизни Российской империи; вокруг ее имени существовала и существует масса ничем не обоснованных представлений, вымышленных историй и слухов, она — популярный персонаж исторической беллетристики разного сорта и т. д. Нас, однако, в данном случае интересует проблематика, выходящая за пределы исторического исследования в узком смысле слова, поскольку книга, с одной стороны, является опытом написания биографии, свободной от «биографизма» как ослабления требований научности, а с другой стороны, будучи биографическим исследованием, содержит не только ценный материал, но и, на наш взгляд, весьма плодотворные авторские наблюдения, относящиеся к истории придворного общества, русской эмоциональной культуры XIX столетия, сексуальности и т. п.

Биография в современной исторической научной литературе — подозрительный, сомнительный жанр — и, как отмечает сама исследовательница, жанр «неуютный»: «Писание биографии, в отличие от чтения, способно привести в отчаяние» (с. 6). «Неуютность» эта, полагаем, связана с тем, что в биографии обнажается та природа исторического знания, которую удобнее скрыть, в том числе и от себя, в иных исторических предприятиях — история оказывается в конце концов историей людей, причем именно «историей», то есть связным повествованием, рассказом, подчиняющимся природе повествования и претендующим рассказать нам, коллегам и просто заинтересованным читателям, нечто о прошлом. В биографии самый тонкий анализ репрезентаций в итоге упирается в тот вопрос, который в

© Тесля А. А., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-354-359

иных случаях можно обойти или оставить «подвешенным»: насколько все эти репрезентации соотносятся с тем, что они репрезентируют? Или же, не отсылая к «реальности самой по себе», как они воздействуют на других, то есть сами по себе являются реальностью? Всякая биография претендует на возможность говорить о другом — не собирать, но восстанавливать целостность субъекта, доступ к которому осуществляется только через рассыпанные (по той или иной, иногда довольно случайной, логике) сохранившиеся источники — на *постижение индивидуальности* в ситуации, когда оба элемента поставлены под вопрос.

Напряжение, заявленное в первом абзаце работы, определяет ее в целом: некоторое портретирование, штрихи, оценки допускаются автором в отношении персонажей второго плана — несколькими словами характеризуется первый муж младшей дочери кн. Юрьевской, подробнее обрисовывается облик сына — князя Георгия Александровича и т. д. Портретное, очерковое не уходит, но ему отводится низший уровень, там, где ответственность исследователя идет на убыль: напротив, центральному лицу повествования отведен минимум прямой авторской речи — отзывы о Юрьевской, оценки и суждения — это в основном слова других лиц, функция автора здесь понимается как обозначение положения лица, выносящего суждение, помещение последнего в надлежащий контекст. Со сложившимися оценками и суждениями исследовательница спорит, сопоставляя их между собой или с другими источниками, но сама воздерживается от прямого произнесения собственного суждения, своей квалификации: исследовательская задача — сохранение дистанции при биографическом описании, свобода от домысла и предоставление собирания разнообразных деталей в «портрет» читателю. «Домысел» неизбежен, сама логика текста, его линейность, предполагает последовательную смену событий и распределение важного и малозначительного, но авторская задача заключается в том, чтобы максимально держать его под контролем.

Структура работы определяется материалами, находившимися в распоряжении исследовательницы, для каждого этапа жизни княжны Долгоруковой они отличны, с явным преобладанием того или иного типа источников. Так, для 14 лет, в течение которых она была любовницей императора, имеется огромный объем переписки между любовниками, тогда как иные материалы — вроде дневников, мемуарных или эпистолярных свидетельств наблюдателей — практически целиком отсутствуют: не только правительственные круги, но и свет «не замечали» существования многолетней любовной связи императора, его «второй семьи». После кончины императрицы Марии Александровны император вступил во второй брак — оставшийся необъявленным публично, но существенно видоизменивший придворную сферу: с 1880 года об императоре, его второй жене, их семье, об отношениях с императорской фамилией как при жизни, так и после гибели Александра II имеется масса свидетельств, но почти целиком исчезает переписка между Юрьевской и Александром II.

В результате перед биографом задача особого типа: если обычно можно двигаться на сопоставлении голосов, сравнении разнородных свидетельств, как соз-

данных целенаправленного, так и возникших непреднамеренно, но относящихся к одному и тому же предмету, то в случае с кн. Юрьевской ситуация иная. Если использовать визуальную метафору, можно сказать, что каждая фаза ее жизни оказывается видимой лишь с одного ракурса, а следующая фаза освещается уже с совсем другой стороны. И следовательно, почти нет возможности сопоставить не только разнородные свидетельства между собой, но и увидеть, как фиксировалось с одного ракурса то, что теперь дается с другого.

В основу исследования легли материалы архива княгини Юрьевской, поступившие в Государственный архив РФ (ГАРФ) в 2001 году, в первую очередь письма Александра II (3450) и кн. Е. М. Долгоруковой (1458). При всем внешнем обилии источников их содержание скорее разочаровывает — вереница писем посвящена почти исключительно личному, частному, к тому же язык писем все более ритуализируется: многолетние любовники не столько сообщают друг другу информацию, сколько совершают ожидаемые жесты, долженствующие подтвердить неизменность чувств, напомнить о былом и т. д. Вопреки всему этому исследовательница справедливо высказывает надежду, что ее «монография... развеет сложившееся... представление о „пустоте“ и „бессодержательности“ материалов архива княгини Юрьевской (с. 380): вместо того чтобы пытаться извлечь из писем событийное содержание, на которое они действительно весьма бедны, Сафронова анализирует их как единый комплекс, где повторяющееся, привычное, ритуализированное — уже не препятствие, а сам по себе заслуживающий внимания материал. Интересен сам анализ языка переписки — в отличие от ситуации полувековой давности, для императора, вводящего во французский текст русские предложения, они являются «средством большей эмоциональной выразительности. Особенно это касается обсуждения сексуальных вопросов, язык для которого пара изобретала сама. Также русские высказывания имели характер спонтанности, а французские — ритуальности» (с. 117).

Наиболее многогранно в работе проанализирована тематика эмоциональных режимов, в которых действуют персонажи. Исследовательница обращает внимание на тот факт, что княжна Долгорукова окончила Смольный институт, восприняв хорошо известную специфическую культуру «смольнянок», с присущей им экзальтированностью, традициями «обожания» и т. п. При этом если многими в 1860-х, не говоря о позднейших годах, подобный стиль поведения расценивался как «неестественный», вызывающий критические реакции или прямое отторжение, то для Александра II, как и для многих других представителей императорской фамилии его поколения и предшествующих, он был привлекателен — собственно, именно близость к императорскому двору способствовала консервации последнего, несмотря на попытки реформировать Смольный институт (с. 58–59).

Хотя исследовательница и сближает эмоциональную модель, присущую Александру II, скорее с его дядей, Александром I, чем с отцом, из-за чего в глазах сыновей и многих других членов двора император уже в 1870-е годы выглядел старомодно, однако его склонность к романтическому жесту и т. п. не кажется нам

противостоящей тем моделям, на которые ориентировался его отец. Николая I с его сыном роднила культура бидермейера, ему были присущи стремление к разграничению публичного и частного пространств существования (образчиком чего стала петергофская «Александрия»), склонность к рыцарственному, романтическому. Иное дело, что для Александра II на передний план выходила «непосредственность», «искренность», «чистота сердца» и т. п. Как отмечал Ричард Уортман, преобладающим в царствование Александра II был «сценарий любви»: подданные должны были в первую очередь «обожать» своего государя, а он — отвечать им взаимностью, их должен был охватывать энтузиазм, непосредственное ликование, которое «невозможно сдержать».

В эти эмоциональные формы легко «попадала» княжна Долгорукова — институтка, сформировавшаяся в рамках весьма специфических эмоциональных режимов, которые и транслировала в дальнейшем и которые естественно совпали с присущими императору. Они вдвоем выстроили целую систему памятных для них двоих дат, изобретали собственные слова (особенно в сексуальной сфере, где их побуждала к этому крайняя бедность, сниженность или медикализированность русского языка), обменивались бесконечными подарками и сувенирами. Регулярно повторяющиеся ссоры, приступы ревности и т. п. были вписаны в эту систему чувств.

Конфликт делает зримым существующие противоречия, различия в интерпретации, в повседневности остающиеся непроявленными — это с особенной глубиной демонстрирует проделанный Сафроновой анализ придворной ситуации 1880–1881 годов, сначала в связи со вторым браком императора, а затем, уже в новое царствование, в связи с положением княгини Юрьевской. Исследовательница отмечает, что в конфликте между новой семьей Императора и семьей Наследника определяющую роль играла цесаревна Мария Федоровна — именно ей была присуща наибольшая острота реакций, в отличие от цесаревича Александра Александровича, занявшего осенью 1880 года примирительную позицию. Предложенная в работе убедительная интерпретация состоит в том, что имело место противоречие публичного и приватного статусов. В приватной сфере за княгиней Юрьевской никто не отрицал ее положения в качестве жены императора — однако она не являлась императрицей и не имела публичного статуса члена императорской фамилии. После кончины Марии Александровны ее место на публичной сцене принадлежало Марии Федоровне, как старшему по статусу члену женской половины императорской фамилии, тогда как фактическое помещение на него кн. Юрьевской воспринималось как оскорбление, тем более тяжкое, что княгиня Юрьевская в качестве морганатической супруги не только не была членом императорской фамилии, но ее брак с императором оставался необъявленным (по крайней мере вплоть до истечения годовичного траура по Марии Александровне), так что с официальной точки зрения она являлась лишь частным лицом — любовницей государя. Позиция Александра Александровича оказывалась более компромиссной: с одной стороны, его собственному публичному статусу урон не наносился, а с дру-

гой — демонстрируя повиновение и сыновнее послушание отцу и государю, он как раз следовал логике династического подчинения, укреплявшего и его собственную позицию.

Гибель Александра II несколько изменила эту схему: новый государь относился к княгине Юрьевской как к морганатической супруге его отца, неприятной для него, но заслуживающей уважительного отношения в память умершего, и ради ее чувств ей в первые недели после 1 марта 1881 года воздавали почести, на которые она не имела права. Это в глазах двора было знаком «добротного отношения», милостью со стороны государя, тогда как княгиня считала, что имеет на них полное право. Так, княгиня претендовала на то, чтобы хотя бы часть слуг в ее новой петербургской резиденции принадлежали дворцовому ведомству, а не числились в частном услужении, однако новый государь, взяв на себя весьма щедрые финансовые обязательства (годовой пенсион в 100 тыс. руб.), в предоставлении ей в услужение дворцовых лакеев отказал. Аналогичная ситуация сложилась и по поводу права останавливаться в императорских дворцах или пользоваться царскими комнатами на вокзалах — княгиня настаивала на том, чтобы рассматриваться как публичное лицо, тогда как в глазах верховной власти она являлась исключительно частной персоной, пусть и имеющей право на особое внимание к себе.

Подробно проанализированы исследовательницей слухи, связанные с якобы готовившейся в 1881 году коронацией княгини Юрьевской и введением ее сына, светлейшего князя Георгия Александровича в число наследников российского престола. Сафронова приходит к выводу, что обоснованно говорить об изменении Учреждения об Императорской фамилии нет оснований — предполагалось оглашение брака, намеченное на май 1881 года, в декабре-январе 1880–1881 годов были утверждены без опубликования сенатские указы о вступлении государя в брак и об узаконении детей от княгини Юрьевской с присвоением им этой фамилии, однако с указанием на ограничения в правах, вытекающие из Учреждения об Императорской фамилии 1797 года. Следовательно, «по крайней мере в декабре 1880 года Александр II не планировал включать Георгия Юрьевского в число возможных наследников престола и, возможно, не думал о коронации его матери» (с. 261–262). Сложная политическая ситуация и обострение отношений в императорской фамилии (где братья императора встали на сторону кн. Юрьевской, поскольку это давало и Константину, и Николаю Николаевичам, давно создавшим «вторые семьи», надежду после кончины своих официальных супругов приемлемым образом узаконить сложившиеся связи) провоцировали разрастание слухов и предположений, в том числе и в бюрократических кругах. Однако сама княгиня Юрьевская заговорит о планах коронации уже после гибели Александра II, а, как отмечалось ранее, она в целом была склонна смешивать частное и публичное и не разграничивать статусы, к этому времени уже радикально различные во вполне институционализированной императорской фамилии, не смешиваемой ни Александром III, ни его дедом и даже отцом с системой личных отношений.

Подводя итог, отметим, что исследование Сафроновой подтверждает достигнутую на протяжении XIX века достаточно высокую степень институционализации императорской власти, превращения императорской фамилии в правовой институт не только на уровне официальных юридических актов, но и соответствующих юридических практик — чем и обуславливаются многочисленные конфликты кн. Юрьевской в 1880-м и в последующие годы: она понимала природу императорской власти как персональную, законной жене императора, по ее мнению, полагался статус императрицы, а ее детям — великих князей, тогда как для большинства членов императорской фамилии данные статусы имели юридическую, а не биологическую природу и не определялись личным усмотрением монарха. За последним не отрицалась, разумеется, абсолютная власть, но использоваться она должна была разумным, не саморазрушительным образом, а следовательно, быть свободной от произвола.

“Catherine III”

Andrey Teslya

Senior Research Fellow, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University

Associate Professor, School of Social Studies and Humanities, Pacific State University

Address: A. Nevskogo str., 14, Kaliningrad, Russian Federation 236041

E-mail: mestr81@gmail.com

Review: Yulia Safronova, *Ekaterina Yurievskaya: roman v pis'mah* [Ekaterina Yurievskaya: The Novel in Letters] (Saint Petersburg: EUSPb Press, 2017) (in Russian).